

УДК 81 + 81'37

С. А. Попова

Новосибирский государственный педагогический университет

**Образная и сценарная составляющие
ментальной структуры «смех»
в русской языковой картине мира**

Формулируются основные когнитивные признаки ментальной структуры «смех» в русской языковой картине мира, подчеркивается сложность ее организации. Отмечается, что анализируемую ментальную структуру можно рассмотреть как концепт-образ и как концепт-сценарий. Представлены метафорические наименования с семантикой смеха, которые демонстрируют образную составляющую ментального образования: смех как вещество или материал, жидкость, лекарство, оружие, щит, болезнь, смерть и др. При рассмотрении сценария смеха описываются элементы смеховой ситуации: субъект, объект, каузатор смеха, взаимоотношения между субъектом и объектом, оценочный и эмоциональный компоненты. Особое внимание уделяется взаимодействию образного и сценарного компонентов данной ментальной структуры: среди метафорических наименований обнаруживаются сложные образы, которые разворачиваются в тот или иной сценарий, описывающий ситуацию смеха.

Ключевые слова: языковая картина мира, ментальная структура, концепт, концепт-образ, концепт-сценарий, лексико-семантическое поле, лексема, метафора.

Цель настоящей статьи – моделирование ментальной структуры «смех», воплощенной в языковых единицах разных уровней, и описание ее образной и сценарной составляющих в их взаимодействии.

Методологической базой исследования послужили работы М. Минского [1979], Дж. Лакоффа [1988], А. А. Залеской [2002], З. Д. Поповой, И. А. Стернина [2007]. Материалом для анализа являются данные толковых, системных, фразеологических, словарей сочетаемости, а также текстовые фрагменты Интернет-ресурса «Национальный корпус русского языка»¹.

На наш взгляд, анализируемую ментальную структуру «смех» можно рассмотреть как **концепт-образ**, представленный в русском языке различными метафорическими наименованиями, и как **концепт-сценарий**, описывающий элементы си-

---

¹ <http://www.ruscorpora.ru>

Попова Светлана Андреевна – аспирант кафедры современного русского языка Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия; spsp@list.ru)

туации смеха, способы взаимодействия участников коммуникации. Методологическими ориентирами для нашего исследования стали работы, авторы которых рассматривают информацию о внеязыковой ситуации как одновременно существующую в разных ментальных «упаковках». Так, Т. А. Трипольская [1999], А. Г. Бердникова [2005] и О. В. Бычихина [2004] анализировали речевые жанры самопохвалы, благодарности и отказа как образы речевых действий и как их сценарии; Л. В. Мальцева [2009] моделировала образ и сценарий ментальной структуры *горе-несчастье-беда*, Я. Ю. Кузнецова – образ и сценарий *удачи / неудачи* [Кузнецова, 2013].

Концепт «смех» рассматривался Ю. А. Кузнецовым, который описал образные компоненты в его структуре, представленные различными метафорическими наименованиями [Кузнецов, 2005]. Наш языковой материал и задачи исследования позволяют выявить и образную, и сценарную составляющие ментальной структуры «смех», а также рассмотреть их во взаимодействии.

В результате дефиниционного и дискурсивного анализа лексем, входящих в семантическое поле «смех», был выделен ряд метафорических образов, репрезентирующих образную составляющую ментальной структуры «смех». Полученные данные подтверждают результаты исследования Ю. А. Кузнецова, выявившего в образном компоненте концепта метафоры живого существа, военной сферы, материала, жидкости, вкуса и болезни. Нами уточнены и дополнены образные составляющие ментальной структуры «смех»: образы оружия и щита (описывающие метафору борьбы / войны / схватки); лекарства; материала / вещества и их свойств (вкуса, температуры, цвета); болезни и ее атрибутов; зооморфные образы субъекта смеха. Также была предпринята попытка структурировать полученные метафорические наименования: 1) олицетворение (смех как живое существо); 2) зооморфные образы субъекта смеха (лошадь, свинья, птица, собака); 3) предметные образы смеха (смех как вещество / материал, жидкость, лекарство, оружие, щит); 4) морбиальная метафора (смех как болезнь, смерть).

1. Смех олицетворяется, осмысливается как **живое существо**, которое имеет власть над смеющимся и может воздействовать на него. Смех нападает и овладевает человеком, охватывает, душит, разбирает его: *Спазматический смех овладел мною* (А. И. Герцен. Былое и думы); *Смех душил меня, вырывался клубами* (Е. И. Замятин. Мы). Заметим, что в семантической структуре высказывания смех занимает позицию активно действующего субъекта.

2. Смеющийся человек интерпретируется через **зооморфные метафорические образы**. Субъект смеха может представляться нам в образах разных животных: *лающий смех* – образ собаки, *щебечущий* – птицы, *кудахтающий* – курицы, *лошадный* – лошади, *каркающий* – вороны и т. д. В словосочетании *хрюкать от смеха* обнаруживается сходство субъекта смеха со свиньей.

3. Смех интерпретируется через различные **предметные образы**: вещество, жидкость, лекарство, оружие, щит.

3.1. Звучание смеха может восприниматься и оцениваться как **вещество** (или **материал**), обладающее определенными свойствами: вкус, цвет, температурная характеристика, структура/консистенция. При этом источником образования метафор, описывающих смех как вещество/материал, является синестезия. Аудиально воспринимаемый звук смеха интегрируется с вкусовыми ощущениями: смех может быть сладким, горьким: *Гнев и горький смех возникает в сердце моём* (М. Горький. Исповедь). Восприятие звучания смеха синестетически связано с визуальным восприятием цвета и света: смех предстает окрашенным в разные цвета (розовый, серебристый и т. д.), может быть светлым, блеклым и ярким: *У тебя прошел светлый смех и добродушная шутка* (А. И. Герцен. Былое и думы); *А на лицах засияет розовый смех* (А. П. Платонов. Антисексус). Зрительный образ соединяется также с тактильными ощущениями: смех имеет температуру

и бывает горячим, теплым, прохладным, холодным: *Васькову послышалось что-то похожее на едкий холодный смех* (А. В. Амфитеатров. Жар-цвет). Часто образ вещества / материала является синкретичным: в нем сочетаются и слуховое, и визуальное, и тактильное восприятие. Примерами могут послужить метафоры, описывающие структуру или консистенцию вещества: *жидкий, сдавленный, густой, рассыпчатый смех*.

Среди синкретичных метафор, характеризующих восприятие звучания смеха, значительную часть составляют прилагательные, называющие материал / вещество: *бархатный, серебряный, хрустальный, жемчужный, ржавый* и др.: **Серебряный смех** то и дело тишину и величание огромного дворца оживляет (Л. А. Чарская. Меч королевы). Данные метафорические наименования позволяют охарактеризовать разные типы звучания смеха и при этом дать ему оценку. Так, *серебряный смех* характеризует тип звучания, который сопоставим с негромким и высоким по тону звоном изделий из серебра. Такой смех оценивается со стороны положительно: он приятный на слух. Кроме того, данная метафора позволяет охарактеризовать субъект смеха: как правило, это дети и молодые девушки.

3.2. Смех интерпретируется через образ вещества определенной консистенции – **жидкости**.

Смех, как стремительный поток воды (*неудержимый, неумный, неукротимый*), трудно удержать, сдерживать. Его сдерживают, но он прорывается, вырывается: *Кинг... начинает смеяться, это еще не смех, а всхлипывания, но смех прорывается* (А. Сурикова. Любовь со второго взгляда). Смех осмысливается как сильный дождь, сопровождающийся громом и грозой. Словосочетание *заливаться смехом* соотносится с длительностью и силой ливня. Есть раскаты грома и *раскаты смеха*. Кроме того, слова *громкий* (смех) и *гром* исторически являются родственными. Разразиться может гроза, и смехом можно *разразиться*: *Пуская дым к верхушке сосен, Задоров вдруг разразился смехом* (А. С. Макаренко. Педагогическая поэма).

3.3. Смех как **лекарство** улучшает состояние человека, лечит его, продлевает жизнь: *Смех – это хорошо. Смех прибавляет сил* (Р. Нахапетов. Влюбленный); *Масалитин верит, что смех продлевает жизнь и поэтому читает «Столицу»* (Т. Савельева. Уж почта осенью дышала); *А завершается наш разбор... снимающим стресс смехом* (И. Вольский. Пропасть им. Пантюхина: будет ли новый мировой рекорд?).

3.4. Образ смеха воплощается с помощью метафоры **борьбы / войны / схватки** (смех как оружие и щит).

Смех предстает в образе **оружия** и может убить: *Его хохмы, шуточки, постоянное желание вызвать улыбку у окружающих были связаны с интуитивным знанием: смех убивает* (Л. Улицкая. Медя и ее дети); *А сатирический смех – это действительно грозное оружие* (Л. Утесов. Спасибо, сердце).

3.5. Смех интерпретируется как **щит**: *Его принцип – отрицание разумности жизни и попытка защититься смехом от ее абсурдных и калечащих человека конфликтов и противоречий* (А. М. Зверев. Дональд Бартельм: абсурдизм по-американски); **Смех – это высшая форма защитной реакции** (Т. Огнева. Формула любви: как возникают чувства).

4. Образ смеха как **болезни и смерти** реализуется в словосочетаниях *заразительный смех* и *заразить смехом* (передать кому-либо), *приступ / припадок / спазмы смеха, колики от смеха*, во фразеологизмах *умереть / помереть со смеху, задохнуться от смеха* и т. д.: *Так заразителен смех Григория, что он сам рассмеялся* (М. А. Шолохов. Тихий Дон); *При слове «дети» он умирал со смеху* (Г. Щербакова. Ах, Маня...).

Отметим, что в приведенных в п. 3.4 и 4 примерах в значении слова *смех* стирается негативный компонент, который в сознании людей связан с понятием бо-

лезни, смерти, убийства. Ведь смех, как считал Д. С. Лихачев, заключая в себе «разрушительное и созидательное начала одновременно», умертвляет (как и болезнь может умертвлять) старое, но создает новое, т. е. человек как бы заново рождается благодаря смеху. Смех повышает настроение и, как лекарство, «снимает психологические травмы, облегчает человеку его трудную жизнь, успокаивает и лечит» [Лихачев, 1984, с. 3].

Перейдем к рассмотрению ментального сценария «смеха». Ситуация смеха как сценария может включать в себя ряд элементов: S (субъект) + Ob (объект) + каузатор смеха + взаимоотношения между S и Ob + оценочный компонент + эмоциональный компонент. Заметим, что субъектом смеха может быть только одушевленное лицо – человек.

Остановимся подробнее на существующих в нашем сознании каузаторах – причинах смеха. В языковой картине мира закреплено, что смех должен иметь причину (*Смех без причины – признак дурачины*), причем ситуация смеха без причины, а также сам субъект такого смеха оцениваются людьми отрицательно: *А у нас действительно на улыбающихся без видимой для других причины, как на идиотов, смотрят, и поговорицу «смех без причины (и далее по тексту)» на улыбочивых перенесли* (Счастье в улыбке, или почему... (Форум. 2007.02.04)).

Классифицируем объекты смеха.

1. Неодушевленные объекты (фамилия, картина, пароль и т. д.): *«Захер Ма-зох»... Какая смешная фамилия* (А. П. Чехов. Безотцовщина).

2. Одушевленные объекты, к которым относятся разные живые существа: животные, насекомые, человек: *Люди из рода Докодика стали смеяться над сохатыми* (В. К. Арсеньев. Сквозь тайгу); *Мы ехали и злорадно смеялись над комарами, которые делали тщетные попытки лететь вдогонку за нами* (Н. И. Березин. Пешком по карельским водопадам); *Карсавина тоже ласково стала смеяться над Шафровым* (М. П. Арцыбашев. Санин); *Обезоруживая других, он смеялся над собой* (А. Генис. Довлатов и окрестности). Как видим из примеров, человек может смеяться либо над другим человеком (Ob ≠ S), либо над собой (Ob = S).

Выделение неодушевленных объектов смеха достаточно условно, потому что они так или иначе связаны с одушевленным, а именно с человеком. Так, например, *смешная фамилия* – это не прямой объект смеха, это причина смеха над человеком с такой фамилией. Таким образом, основным объектом смеха является человек.

Интерпретация ситуации смеха включает оценочный компонент. Е. М. Вольф выделяет в оценочном высказывании основание для оценки, например неуклюжесть, а объектом оценки является человек [Вольф, 1985]. Смеясь, субъект тоже оценивает объект, но основанием для смеха является что-то конкретное в объекте (каузатор): его внешность, качества, действия и т. д.: *Я смеюсь над тобой, Люся! Над твоими убогими представлениями о мире* (М. Москвина. Все мы инопланетяне на этой Земле). И объект смеха может оценивать смеющегося / усмехающегося / насмехающегося человека: *Что усмехаешься, как дурачок?* (Ч. Айтматов. Белый пароход). Кроме того, объект может выразить оценку ситуации с помощью слов *не смешно, хватит смеяться, не вижу ничего смешного* и т. д.: *Не смейтесь... это не смешно...* (Т. Окуневская. Татьяна день).

В ситуации смеха важен эмоциональный компонент, неразрывно связанный с оценкой. В зависимости от эмоционального состояния субъекта мы можем выделить веселый, горестный, горький, грустный, довольный, злорадный, истерический, невеселый, нервный, печальный, припадочный, радостный, счастливый смех: *Мужчина... издал тихий счастливый смех и несколько раз невысоко подпрыгнул на месте от восторга* (В. Пелевин. Жизнь насекомых).

В соответствии с представлениями современной когнитивной семантики, сценарий (и фрейм), обладая четкой внутренней организацией, может использоваться для исследования метафорической (образной) репрезентации концепта (Дж. Лакофф, М. Джонсон, А. П. Чудинов и др.). Фреймово-слотовая организация метафор достаточно полно описана в монографии А. П. Чудинова, который считает, что концептуальная метафора – это «средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-то фрагмента действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов» [Чудинов, 2001, с. 47]. Опираясь на мысли А. П. Чудинова, рассмотрим далее, как образная составляющая ментального образования «смех» связана со сценарной и как они взаимодействуют между собой в его структуре.

Среди выделенных нами метафорических наименований обнаруживаются сложные образы, которые разворачиваются в тот или иной сценарий, описывающий ситуацию смеха. В качестве примеров остановимся на метафорах борьбы / войны / схватки и болезни.

1. Метафора смеха как щита и как оружия разворачивается в **сценарий военных действий**, в котором между субъектом и одушевленным объектом смеха (причем именно человеком) возникают особые отношения, какие существуют в военной сфере. Субъект смеха нападает (с помощью смеха-оружия), а объект должен защищаться, тем самым не давая себе потерпеть поражение.

1.1. Субъект смеха произвольно или нет, но наносит объекту ущерб (смех-оружие). Так, человеку неприятно, когда над ним *смеются, насмеваются*, а особенно *осмеивают* или *глумятся*. Человек расстраивается, огорчается: *Юру Любимова он доводил чуть ли не до слез... своими насмешками и ерничеством* (В. Давыдов. Театр моей мечты). Поскольку любой смех (особенно насмешливый и злой) может нанести объекту психологический ущерб, то он оценивается отрицательно со стороны, как и сам субъект смеха: *Многое в нём – и честолобие, и резкость, и насмешливый цинизм, с которым говорил он о людях, – было нехорошо* (В. Гроссман. Жизнь и судьба). Особенно смех приносит ущерб объекту, если субъектом смеха является не один человек, а несколько: *Совсем парубка засмеяли, что у него и нос опустился книзу, руки-ноги обвисли* (В. Г. Короленко. Судный день). Человек боится стать объектом смеха, ведь смех – это сильное оружие: *На всякий случай решил о виденном никому не рассказывать, чтобы не засмеяли* (М. Успенский. Там, где нас нет).

1.2. Объект смеха может использовать смех как щит. Смех над самим собой (защита) возникает еще до того, как человек становится объектом смеха: *Обезоруживая других, он смеялся над собой, но не слишком любил, когда это делали другие* (А. Генис. Довлатов и окрестности). Ответный смех объекта над субъектом может быть спонтанной защитной реакцией объекта. Кроме того, такой смех может выполнять функцию и щита, и оружия одновременно: *Ты надо мной смеёшься, давай и я над тобой посмеюсь* (Вы над собой смеяться не боитесь? («Дело», 2002.05.03)).

Метафора смеха как щита и оружия часто перекликается с представлением о смехе как живом существе. В таких случаях смеющийся осмысливается как объект, а смех – как самостоятельный субъект, который вступает с человеком в борьбу и получает над ним власть: *смех нападает на человека, овладевает им, охватывает, не отпускает, разбирает, душит его* и т. д.: *Спазматический смех овладел мною. Что же вы это со мной делаете?* (А. И. Герцен. Былое и думы). Как видим, данные метафоры акцентируют семантику беспомощности смеющегося, указывают на нерушимую власть смеха и его победу над человеком.

2. Образ смеха как болезни разворачивается в сценарий **болезни / нездорового состояния** субъекта смеха. Данная ситуация включает в себя определенные физиологические симптомы и особенности поведения человека, находящегося в состоянии сильного смеха: произвольные движения тела, нарушение пищевари-

тельной системы, изменение оттенка кожи, нарушение дыхания, психики и изменение сознания, потерю жизненных функций (смерть).

2.1. Смеясь, человек может непроизвольно совершать следующие телесные движения: он может *покатиться со смеху, валяться со смеху, смеяться до упаду, покачнуться от смеха*: Они заставляли подчас **хохотать до упаду** даже неискующих в истории курсантов (Б. Грищенко. Посторонний в Кремле). Как видим, смех изменяет положение тела человека в пространстве. Кроме того, смеющийся может *трястись, дрожать, биться в конвульсиях / судорогах от смеха, хвататься/держаться за животы / животики*.

2.2. Человеческий смех/хохот интерпретируется языком через метафору болезни пищеварительной системы. Человек может смеяться *до тошноты, рвоты, икоты* или *до боли / коликов в животе*, может *смехом бока насадить, надорвать животы / животики/кишки (смехом)*: Он **смеялся до икоты, до судорог... давился от смеха** (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина). Обратим внимание на то, что в ряде перечисленных фразеологизмов русского языка акцентируется внимание на животе как части тела. Слово *живот*, как известно, этимологически связано со словом *жизнь*: такой смех может угрожать жизни человека.

2.3. У смеющегося изменяется оттенок кожи: можно *покраснеть / посинеть от смеха*: Ты **покраснел от хохота** и вдруг замолчал (М. Головановская. Муха-Цокотуха).

2.4. Смех сопровождается сбивающимся дыханием, смеющийся не может нормально дышать: он *задыхается от смеха, давится* или *захлебывается* им, *смех душит* человека, например: *И Докучаев вдруг забрызгался, залился, захлебнулся смехом* (А. Мариенгоф. Циники).

2.5. Человек может смеяться *как сумасшедший, до истерики, потери сознания/памяти*: *Наперед тебе предсказываю, что ты будешь смеяться до истерики* (А. Ф. Писемский. Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына).

2.6. Как видим из предыдущих примеров, смех воздействует на физическое состояние смеющегося человека так, что он теряет контроль не только над своим телом, но и рассудком и вообще может смеяться *до потери пульса / до смерти, умереть / помереть от смеха*: Он буквально **умирал со смеху**, довольный (Е. Ф. Книпович. Об Александре Блоке).

Метафора смеха как болезни представляется также в виде сценария **заразительного смеха**, когда смех одного человека порождает, провоцирует смех другого. Тогда субъектом смеха становится не один человек, а несколько: *Смех душил его, и люди в зале тоже стали смеяться* (А. Львов. Двор).

Подведем итоги. На наш взгляд, ментальная структура «смех» является сложной, поэтому мы рассматриваем ее как **концепт-образ** и как **концепт-сценарий**. Образный компонент представлен комплексом следующих метафорических наименований: олицетворение; зооморфные образы субъекта смеха; предметные образы смеха; морбиальная метафора. Среди них обнаруживаются некоторые сложные образы, которые могут разворачиваться в тот или иной вариант событийного сценария смеха. Например, метафора войны / борьбы / схватки (образ смеха как щита и как оружия) представляется в виде сценария военных действий, в котором есть нападающий и защищающийся. При этом между субъектом и объектом смеха возникают особые отношения, какие существуют в военной сфере. Образ смеха как болезни разворачивается в сценарий заразительного смеха, передающегося от одного субъекта к другому. Ситуация смеха как болезни включает в себя определенные физиологические симптомы и особенности поведения человека, находящегося в этом состоянии. Таким образом, моделирование ментальной структуры «смех» позволило нам выявить, что образная и сценарная составляющие тесно связаны между собой.

Список литературы

- Бердникова А. Г.* Речевой жанр благодарности: когнитивный и семантико-прагматический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005.
- Бычихина О. В.* Высказывания со значением отказа: семантико-прагматический и когнитивный аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2004.
- Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М., 1985. 246 с.
- Залевская А. А.* Концепт как достояние индивида // Психолингвистические исследования слова и текста. Тверь, 2002. С. 5–18.
- Кузнецов Ю. А.* Лексико-семантическое поле смеха как фрагмент русской языковой картины мира: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 215 с.
- Кузнецова Я. Ю.* Ментальная структура «Удача-Неудача» в русской и итальянской языковых картинах мира // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та. 2013. № 2 (12). С. 110–119.
- Лакофф Дж.* Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10: Лингвистическая семантика. М., 1988. С. 356–368.
- Лихачев Д. С.* Смех в Древней Руси // Лихачев Д. С. Избр. раб.: В 3 т. Л., 1984. Т. 2. 298 с.
- Мальцева Л. В.* Эмотивно-событийный концепт «Горе, беда, несчастье» в русской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009.
- Минский М.* Фреймы для представления знаний. М., 1979. 154 с.
- Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика. М., 2007. 314 с.
- Трипольская Т. А.* Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1999.
- Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001. 238 с.

S. A. Popova

Figurative and scenario components of the mental structure «Laughter» in the Russian language map of the world

The paper describes the main cognitive signs of the mental structure «Laughter» in the Russian language map of the world and emphasizes the complexity of its organization. It is noted that the analyzed mental structure can be considered as a concept-image and as a concept-scenario. The author presents metaphors with the semantics of laughter which demonstrate the figurative component of the mental structure where laughter is represented as a substance or a material, a liquid, a medicine, a weapon, a shield, an illness, a death etc. In considering the scenario of laughter the author describes the elements of the humorous situation: a subject, an object, a causer of laughter, the interrelations between a subject and an object, appraisal and emotional components. Special attention is paid to the interaction of the figurative and scenario components of the given mental structure. Among the metaphors there turn out complicated images that unfold into one or another scenario describing the situation of laughter. As an example the author of the paper dwells on a metaphor of a war and that of an illness.

Keywords: language map of the world, mental structure, concept, concept-image, concept-scenario, lexico-semantic field, lexeme, metaphor.